УДК 17

"ПРОБЛЕМА" И "ПРОБЛЕМАТИЗАЦИЯ": СООТНОШЕНИЕ И ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ПОНЯТИЙ В СОВРЕМЕННОЙ ЭПИСТЕМОЛОГИИ

И.Б. Ардашкин

Томский политехнический университет
Тел.: (382-2)-42-59-74

Рассматриваются понятия "проблема" и "проблематизация". Указывается необходимость разведения этих понятий в условиях современной эпистемологии. Доказывается, что "проблема" характеризует качество научного знания, тогда как "проблематизация" направлена на оценку предпосылочного знания науки.

Процесс познания всегда понимался как процесс получения нового знания посредством обнаружения или постановки проблем. Отсутствие "проблемы" означало, что наличное знание более или менее устраивает человека в плане объяснения тех явлений мира, для объяснения которых оно и предназначено. Поэтому философов и ученых постоянно интересовал механизм функционирования "проблемы", ее генезис. Ведь в нем заключалась "загадка" того, каким образом человек способен наращивать объем своих знаний о мире.

В процессе исследований темы "проблемы" в рамках эпистемологии было доказано, что концепт "проблемы" неразлучно связан с концептами "противоречие", "проблемная ситуация", "вопрос", "задача" и т.д. Подобная взаимосвязанность указанных концептов демонстрирует, что для проблемы важно наличие неоднозначности знания в его интерпретационных возможностях. Проблема обозначает "нехватку", "недостаточность" знаний, ищет способ преодоления открывшейся неполноты.

Однако в философии второй половины XX в. возникает еще одно понятие не только сущностно, но и лексически близкое понятию "проблема". Это понятие "проблематизация". Почему возникает необходимость ведения этого нового понятия? Что означает его появление для интерпретации процесса познания? Как новое понятие "проблематизация" соотносится с понятием "проблема"? Это основные вопросы, предлагаемые к рассмотрению в данной статье.

Понятие "проблематизация" впервые использовал французский философ М. Фуко. В своей интерпретации понятия "проблематизация" он использовал как прием, с помощью которого мы сможем добиться неоднозначной трактовки того или иного знания, явления, предмета. Причем М. Фуко сразу оговаривал, что "проблематизация" не предполагает обнаружения какого-либо соответствия между знанием и миром, ее задача сводится к включению имеющегося результата (например, в качестве знания) в различные контексты путем "игровых" манипуляций истинного и ложного. Как говорил сам М. Фуко недолго до смерти в одном из интервью: "проблематизация – это не репрезентация некоего присутствующего объекта или создания с помощью дискурса несуществующего объекта. Это совокупность дискурсивных или недискурсивных практик, которая вводит ту или иную вещь в игру истинного и ложного и конституирует ее в качестве объекта для мысли" [1. С. 10]. Таким образом, "проблематизация" понимается как прием, заставляющий исследователя ставить под сомнение путем рассмотрения в различных контекстовых измерениях то знания, которое он получил в познавательном процессе. На лицо некоторое расхождение в осмыслении понятия "проблематизация" с понятием "проблема".

Расхождение можно свести к следующему. Традиционно "проблема" понималась как прием "соответствия-несоответствия". Это означало, что если "знание" описывало и объясняло какое-то явление мира неадекватно, то, следовательно, оно не совсем "соответствовало" своему статусу (речь идет о научном знании). И там, где обнаруживалось "несоответствие", речь шла о "проблеме", которую было необходимо решить. Можно сказать другими словами, что "проблема" – это такая сложная ситуация, преодоление которой возможно через решение. И, наоборот, "проблематизация" – это не то, что требует решения, а скорее само является решением, с помощью которого знание способно функционировать. Не случайно еще от Сократа идет понимание проблемы как "знания о незнании". Помимо такого выражения проблемы античный философ обозначает и другие способы соотношения "знания" и "незнания": "знание о знании", "незнание о знании", "незнание о незнании". Подобная традиция соотношения "знания" и "незнания" в контексте анализа проблемы предполагала "жесткое" разграничение "знания" и "незнания". Речь, по сути, велась чуть ли не о четкой границе между "знанием" и "незнанием", чье наличие и должна была обозначить проблема. Вопрос о демаркации научного и ненаучного знания есть следствие подобного разграничения. Именно поэтому в ситуации, когда граница утрачивала четкость речь шла о возникновении проблемы, задачей которой и являлось установление четкой границы. На это было направлено решение проблемы. Другое дело "проблематизация", как ее трактует М. Фуко. "Проблематизация" – это не репрезентация, т.е. это не попытка воссоздания модели предмета в относительно точном виде в сфере сознания, это не создание чего-то несуществующего в той же сфере сознания с целью его практического воплощения в действительности. Это "смещение" ("перемещение") раз-

ных практик друг с другом, это "ломка" ("нарушение") ориентиров ложного и истинного (а как иначе мы можем интерпретировать введение их в состояние игры), и лишь только после всего проделанного осуществляется осмысление "предмета" в качестве объекта мыслительной деятельности. Если использовать социологические понятия, то "проблематизацию" можно интерпретировать как "маргинализацию" привычных и повседневных смыслов и значений предмета. Очевидно, что это и близко не связано с тем пониманием когнитивных действий, где мы традиционно говорим о проблеме как приеме приращения новых знаний в науке и культуре. Очевидно и то, что сам принцип функционирования "проблемы" и "проблематизации" несколько отличен друг от друга в эпистемологии.

В то же время нельзя и отрицать некоторое сходство этих понятий. И "проблема", и "проблематизация" связаны с неоднозначностью знания, явления, предмета (вещи). Только задача "проблемы" преодолеть "неоднозначность", попытаться ее в итоге элиминировать из знания (в процессе научного познания), а задача "проблематизации" - найти неоднозначность, выявить ее как можно большую степень. В эпистемологии "проблематизация" может рассматриваться как "потенция" проблемы, спектр ее возможностей. Не случайно отсюда и отсутствие четкого разграничения между знанием и незнанием, истиной и ложным и т.д., как это обозначает М. Фуко "При таких условиях проблема в ее традиционной трактовке невозможна, поскольку "неоднозначность" знания – это не его "дефект", а искомая ценность, позволяющая знанию приобрести полноту своих смысловых континуумов".

Надо сказать, что в отечественной эпистемологии похожие интерпретации, касающиеся понятия "проблематизация", связывались с понятием "проблема". В частности, ряд исследователей при анализе проблемы пытались увязать ее природу с концептами "сложность" и "альтернативность". К.А. Сергеев и А.Н. Соколов подчеркивали, что "о проблемах всегда говорят при наличии альтернативной неопределенности, когда особо подчеркивают не трудность вообще, а трудность нахождения действительного решения проблемы среди множества ее возможных решений" [2. С. 87]. Им вторит другой не менее авторитетный исследователь темы "проблемы" Е.М. Дун. По Е.М. Дуну, "перед субъектом, решающим проблему, имеется ряд исключающих друг друга возможных решений, в пользу каждого из которых (и против каждого) имеются определенные основания, и одно из которых ему необходимо выбрать ... Количество альтернатив, заключенных в проблеме, может при этом быть различным. Но там, где нет такой альтернативности и необходимости выбора, там нет и никакой проблемы" [3. С. 106]. Можно сказать, что наличие альтернативных решений проблемы и составляет ее основную "сложность", и, наоборот, "сложность" проблемы заключается в наличии различных альтернативных вариантов решения. "Проблема", таким образом, всегда предполагает ситуацию выбора, всегда заставляет исследователя отдавать чему-то предпочтение. А выбор, естественно, исследователь будет осуществлять на основе каких-либо собственных ценностных ориентаций. В этом, кстати, и заключается постоянная обращенность знания и незнания друг к другу, ибо "ценностные ориентации" сложно однозначно признать "знаниями". Поэтому "проблема" во многом определяется не столько собственно научными приемами, сколько культурными и субъективными основаниями науки. "Выбор" решения выступает как "выбор" поступка, а точнее как необходимость осуществления поступка. Условие выбора как условие проблемы – это императивная сторона проблемы, подчеркивающая необходимость действия, причем действия, основанного на концепте "соответствия-несоответствия". Ведь выбор мы осуществляем на основе "соответствия" (несоответствия) нашим ценностным предпочтениям, несмотря даже на то, что выбор больше касается "судьбы" научного знания, чем нашей собственной судьбы (хотя здесь не все так однозначно).

"Проблематизация" же, несмотря на сущностную близость обозначенной интерпретации проблемы, не связана с ситуацией выбора, она не носит императивного характера. "Проблематизация" как и "проблема" проявляется процессуально, только это процессы разного качества. "Проблема" – процесс выбора, процесс, итогом которого должен быть четкий и конкретный результат. Даже пусть этот результат относителен, неоднозначен, промежуточен, но он должен быть, иначе проблемы не возникало, она была представлена как "псевдопроблема". "Проблематизация" – это некие дополнительные приемы, которые постоянно присутствуют в сфере функционирования знания. "Проблематизация" – это необязательность результата, а скорее даже обязательное его отсутствие. То, что вопрос, который решает наука, может быть выражен как проблема или как "псевдопроблема" – это и есть "проблематизация". "Проблематизация" – это "поле", где возможно возникновение проблем. Но как мы писали ранее, проблема возникает там, где возможна четкая демаркационная линия между знанием и незнанием, наукой и не наукой, истиной и ложью. А поскольку в современной эпистемологии происходит релятивизация этих понятий, то и проблемы как таковые утрачивают основания для своих постановок. Одним из фактов, подтверждаемых подобное положение дел, является угасание в философии 90-х годов темы "проблемы", а также общая "девальвация" познавательной проблематики. Обратной стороной выступает растущий интерес к явлению (понятию) "проблематизация". Это не значит, что все исследователи используют в своем тезаурусе данные понятия, но в их текстах постоянно присутствует схожее понимание познавательного процесса, каким его выражает понятие "проблематизация". Так, в частности, В.С. Степин в своей новой работе "Теоретическое знание" постоянно ссылается на то, что познавательный про-

цесс сегодня не столько направлен на решение проблем, сколько проблемно-ориентирован [4]. Проблемная ориентированность научного познания, по В.С. Степину, вызвана возросшей интеграцией различных научных дисциплин, приводящих к усиливающемуся интересу науки и культуры к междисциплинарным исследованиям. Именно междисциплинарное единство научного знания наиболее полноценно отвечает возможностям познания мира. Поскольку мир един, то и знание об этом мире должно быть единым и целостным. А дисциплинарная разобщенность знания будет приводить нас постоянно к урезанным представлениям о мире. Поэтому задача науки (познания) заключается не сколько в решении проблем, сколько в их обнаружении. "Проблема" в таком случае более соответствует используемому понятию в статье "проблематизация". Конечно, не только одним интересом к междисциплинарным знаниям можно объяснить преобладание "проблематизации" над "проблемой". Здесь мы можем говорить о многих аспектах такой трансформации, суть которой следует свести к тому, что наука сегодня утратила статус института, где знание является наиболее истинным, достоверным и значимым. Об этом можно сильно не распространяться, поскольку эта тема в литературе представлена достаточно широко. Нас же волнует следствие подобных трансформаций по отношению к "проблеме" и "проблематизации". А эти следствия позволяют говорить о разных сферах их проявленности. Иными словами, "проблема" и "проблематизация" – это не замещающие друг друга понятия (и даже явления познавательной практики), сколько обозначающие разные уровни познавательных практик дискурсы. Как пишет Н.С. Розов, "готовность отвечать на любой вопрос означает принятие предпосылок вопроса, но они далеко не всегда очевидны" [5. С. 23]. Иными словами, "проблема" возможна только там, где она может быть понята как проблема. А такое понимание уже связано не столько с самим отношением "знания" и "незнания" науки, сколько с их мировоззренческими основаниями, то есть с теми представлениями, которые по терминологии И. Лакатоса, являются "защитным поясом" исследовательской программы. Это значит, что постановка проблемы есть следствие сложившихся у человека в представлениях правил и навыков задавать вопросы. Ведь человек не может спросить о том, чего он не знает. Незнание само по себе не может быть проблемой для человека. Таковой она способна стать только при соотношениями со знанием. Подобное соотношение никогда не осуществляется напрямую, оно всегда как бы предваряется предпосылочными представлениями человека. А такими предпосылочными представлениями могут выступать мировоззрение человека, его мнение, картина мира (в том числе и научная картина мира). Так вот "проблематизация" и выступает способ соотношения знания и незнания на уровне предпосылочных представлений. И то, что наука сегодня направлена не столько на решение проблем, сколько проблемно-ориентирована – есть доказательство того, что наука понимает, что ее познавательные результаты во многом определяются ее основаниями культурного и социального характера. Поэтому решение проблемы для науки – это лишь пример того, каким путем научное познание осуществляется сегодня. А как ни странно, именно поиск подобного ответа и позволяет человеку лучше всего определиться в отношении самого себя и своего места в мире. "Проблематизация" же выступает основанием процесса постановки проблем, представляя из себя более "глубинную" и предпосылочную структуру познавательной деятельности. "Проблематизация" формирует спектр возможностей познания. Именно поэтому для современной эпистемологии "проблематизация" выступает более значимым предметом исследовательского интереса. Это связано также и с тем, что сам характер социокультурной обусловленности познания, несмотря на большие успехи в освещении его значимости для познания, представляет из себя сложную проблему. Она связана с тем, что зависимость науки от социокультурных оснований приводит к "инфляции" самого концепта наука, поскольку приходится пересматривать природу и характер основных научных критериев и принципов. Например, таких принципов как принцип эмпирической обоснованности, принцип наглядности, принцип доказательности и так далее. Смысл этого пересмотра может быть нами охарактеризован как "проблематизация", поскольку ни эмпирическая обоснованность, ни наглядность, ни доказуемость не могут однозначно свидетельствовать об истинности знаний, вводимых в состав науки. Скорее наоборот, сейчас исследователи используют новые принципы, которые и являются следствием "проблематизации" как процесса "вопрошания" предпосылочного знания науки. Это принципы "инвариантности" и "нелинейности". Именно эти принципы подчеркивают, что на уровне предпосылочного знания постоянно осуществляется его соотношение с незнанием, постоянно реализуется поиск новых различных смыслов. Эту мысль подтверждают и исследования в сфере когнитивной психологии. Суть этих исследований доказывает, что человек, как это понималось ранее, формирует свои знания не посредством отражения в своем сознании результатов сенсорного восприятия мира, а благодаря тому, что у человека еще до всякого восприятия существует какая-то установка, определяющая сама характер восприятия человеком окружающей действительности. Данную особенность в когнитивной психологии обозначают понятием "образ мира". "Образ мира" и представляет собой структуру, в которой фиксируется особенность видения индивидом окружающего мира. "Образ мира" – это референт, через который мы имеем возможность демонстрировать, что "проблематизация" действительно имеет место. Не случайно исследователи подчеркивают, что "образ мира" – это "не столько зрительная картинка,

сколько модель событий реальности, оформленная в виде совокупности (а точнее системы) доступных субъекту разномодальных ощущений" [6. С. 52]. "Проблематизация" и представляет собой эту модель, где, с одной стороны обозначается аспект постоянного "вопрошания" знания о мире, а, с другой стороны, обозначается механизм этого "вопрошания". Как показывает понятие "образ мира" "проблематизация" никогда не реализуется "вслепую", хотя подобная направленность вполне возможна. Другое дело, что это может получиться случайно. Таким образом, очевидно, что "проблематизация" представляет собой процесс установления отношений (соотношений) между различными смысловыми континуумами, цель которого установить как можно более полную "гамму" смысловых наполнений. Подобная "гамма" будет выступать "неосознаваемым", хотя и интуитивно достижимым, набором познавательных перспектив. Можно сказать, что "проблематизация" выступает "проектом" познавательных практик. Поэтому нельзя не сказать, что когда мы говорим о "проблематизации", то имеем в виду "проблематизации" (во множественном числе). "Проблематизации" столь же много, сколько людей, сколько познавательных практик. Ведь их задача установить как можно больше отношений между различными смыслами и "единицами знания". Когда Евангелие от Иоанна начинается со слов "В начале было Слово, и Слово было у Бога, и слово было Бог", то мы имеем здесь прежде всего "проблематизацию", закладывающую определенный механизм миропонимания и определяющий характер всех последующих отношений в этой "реальности". Аналогичный пример можно привести и из сферы науки, когда А. Эйнштейн создал специальную теорию относительности, стало очевидно, что все последующие положения будут определены "проблематизацией" относительности (отказа от однозначности и наглядности). А значит и все другие "проблемы" будут сходиться и решаться в спектре "проблематизации" относительности.

Понятно, что "проблематизация" выступает в качестве фундаментального основания научного (и не только) познания в том смысле, о котором идет речь в статье. Но при всей, можно так сказать, "безвредности", "неимперативности" "проблематизации" с ней могут быть связаны некоторые предостережения. Еще М. Фуко, вводя это понятие, предупреждал об опасностях "проблематизации". Он подчеркивал, что "проблематизация" не должна быть "пустой", то есть не должна просто ставить под сомнение то знание, которое оно "проблематизирует". Оно должно приносить в себе какой-то дополнительный результат. Если этого не будет, то "проблематизация" будет выступать в качестве "паразитического" начала на "теле" познания.

Наличие результата, могут возразить, в начале статьи являлось признаком "проблемы", а не "проблематизации". Наоборот, утверждалось, что обязательное отсутствие результата – это признак "проблематизации". Подчеркну, что говоря о дополнительном результате, я имею в виду не результат решения проблемы, выбранный из совокупности альтернативных решений, а результат, в котором рассмотрение знания в каком-либо ином плане, контексте, случае получается как естественное следствие обозначенных действий. Примером такого рассмотрения может явиться помещение известной дилеммы о том, что более первично: "яйцо или курица?" в контексте гастрономических предпочтений. И тому человеку, который голоден, более важно что-нибудь съесть (яйцо или курицу), нежели искать ответ на эту дилемму.

Таким образом, мы рассмотрели понятие "проблемы" и "проблематизации", подчеркнув, что для современной эпистемологии эти понятия не являются синонимами, а если их и понимать как синонимы, то только в очень ограниченной сфере смыслов. Было продемонстрировано, что "проблематизация" представляет для эпистемологии предмет исследовательского интереса, как понятие, в котором заключается "загадка" генезиса "проблемы". А "загадка" эта является следствием до сих пор четко невыявленной природы научного познания и его социокультурной обусловленности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Castel R. Problematization as a Mode of Reading History // Foucault and the Writing of History / Ed. by J. Goldstein. – Cambridge, Mass: Blackwell, 1994. – 375 p.
2. Сергеев К.А., Соколов А.Н. Логический анализ форм научного поиска. – Л.: Мысль, 1987. – 119 с.
3. Дун Е.М. О содержании понятия "научная проблема" // Некоторые методологические проблемы науки. – Томск: Изд-во ТГУ, 1973. – С. 105–109.
4. Степин В.С. Теоретическое знание. – М.: Изд-во "Прогресс-Традиция", 2000. – 744 с.
5. Розов Н.С. Философия и теория истории. Кн. I. Пролегомены. – М.: Логос, 2002. – 656 с.
6. Баксанский О.Е., Кучер Е.Н. Современный когнитивный подход к категории "образ мира" // Вопросы философии. – 2002. – № 8. – С. 52–69.